Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Рабочее движеніе въ Харьковѣ*).

О первыхъ проявленіяхъ рабочаго движенія въ Харьковѣ мы можемъ сообщить лишь немного свѣдѣній, такъ какъ между дѣйствовавшими въ 70-хъ и 80-хъ гг. народовольческими и иными революціонными группами и заступившей ихъ мѣсто соц.-демократической организаціей не сохранилось никакой преемственной связи. Харьковъ въ концѣ семидесятыхъ, въ началѣ и рединѣ восьмидесятыхъ годовъ игралъ очень видную роль въ революціонномъ движеніи. Отмѣчаемъ лишь важнѣйшіе факты. Здѣсь жилъ одно время Андрей Желябовъ, здѣсь совершено было Гольденбергомъ въ мартѣ 1879 г. убійство губернатора кн. Крапоткина, въ 1883 г. здѣсь существовали двѣ тайныя типографіи — народовольческая и народническая (чернопередѣльческая); здѣсь впослѣдствіи, уже въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, затѣялось дѣло Софьи Гинзбургъ, Фрейфельда и Стояновскаго. Но до конца 80-хъ гг. намъ извѣстны случаи участія въ движеніи лишь единичныхъ лицъ изъ рабочей среды. Такъ въ 1879 г. по дѣлу о попыткѣ освобожденія Ѳомина (Медвѣдева) вмѣстѣ съ 2 интеллигентами осуждены и харьковскіе рабочіе Родинъ, Березнюкъ и др. Въ томъ же году въ числѣ помощниковъ Андрея Желябова въ знаменитомъ покушеніи подъ Александровскомъ (взрывъ царскаго поѣзда) были и харьковскіе рабочіе. Въ 1883 году здѣсь совершено при участіи мѣстныхъ рабочихъ убійство шпіона Скрябы и покушеніе на ограбленіе почты, о чемъ мы узнаемъ изъ Лопатинскаго процесса. О

*) Этотъ отчетъ присланъ намъ Харьковскимъ Комитетомъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, какъ матеріалъ для общаго доклада русской делегаціи международному соціалистическому когрессу въ Парижѣ.

Редакція „Рабочаго Дѣла“.

революціонномъ настроеніи среди харьк. рабочихъ свидѣтельствуетъ уже въ 70-хъ гг. харьк. губернаторъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ (См. объ этомъ: Г. Плехановъ. „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“). Мы не можемъ однако сказать, насколько свѣдѣнія, доставленныя агентами тайной полиціи харьк. губернатору, соотвѣтствовали дѣйствительности.

Лишь къ концу 80-хъ годовъ относится первая извѣстная намъ попытка систематической пропаганды революціонеровъ среди харьк. рабочихъ; достаточнымъ свидѣтельствомъ тому служатъ рабочіе кружки, явившіеся слѣдствіемъ этой пропаганды. Кружки эти состояли изъ рабочихъ жел.-дорож. мастерскихъ, а также изъ ремесленниковъ, портныхъ, наборщиковъ и друг. Скоро, въ 1889 г., и эти кружки постигъ жестокій разгромъ, — ропагандисты-интеллигенты вмѣстѣ съ спропагандированными ими рабочими послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія въ тюрьмѣ и крѣпости были сосланы въ В. Сибирь. Разгромъ этотъ подѣйствовалъ устрашающимъ образомъ на рабочую массу, совершенно не понимавшую стремленій этихъ первыхъ провозвѣстниковъ освобожденія въ средѣ харьк. рабочихъ, и еще много лѣтъ спустя, соц.-демократамъ приходилось считаться съ навѣяннымъ разгромомъ безсознательнымъ страхомъ массы передъ „соціализмомъ“.

Къ 1892 г. относится первая извѣстная намъ попытка массового протеста харьк. рабочихъ противъ своего угнетеннаго экономическаго положенія. Въ этомъ году разразилась общая стачка въ мастерскихъ Курско-Харьково-Севастопольской жел. дор., распространившаяся по всей линіи и носившая довольно стройный характеръ. Не было ни разгрома машинъ, ни иныхъ безчинствъ. Рабочіе упорно не хотѣли принимать вводимыхъ тогда впервые рабочихъ книжекъ, находя стѣснительными для себя многія изъ внесенныхъ въ нихъ правилъ. Стачка эта, нѣсколько напоминающая бѣлостокскую стачку 1895 г., вызванную однородными мотивами, направлялась, повидимому, лишь уцѣлѣвшими остатками разгромленныхъ народовольческихъ кружковъ, лишенными всякой организаціи. Поэтому понятно, что стачка эта не могла имѣть плодотворныхъ результатовъ, а измѣна руководителей движенія, переведенныхъ начальствомъ на лучшія мѣста въ глухую провинцію, и безуспѣшность самой забастовки привели къ тому, что она сопровождалась скорѣе отрицательными результатами для развитія классового сознанія и солидарности въ харьк. рабочей массѣ. Намъ извѣстно, впрочемъ, что во время этой забастовки распространялись писанныя прокламаціи.

Но вотъ народовольцы окончательно исчезаютъ со сцены, прекращается и ихъ дѣятельность, а среди интеллигенціи начинается оживленная пропаганда соціальдемократическихъ идей. Эта пропаганда въ связи съ выработкой программы и тактики всецѣло увлекла на первое время марксистскую молодежь, и только

около 1894-95 годовъ мы встрѣчаемъ первые соц.-демократическіе кружки среди рабочихъ. Первые шаги соц.-демократовъ въ Харьковѣ были очень трудны. Къ этому времени въ рабочей средѣ какъ будто исчезли всякіе слѣды революціонной традиціи, масса какъ будто всецѣло примирилась съ своимъ положеніемъ, а глубоко врѣзавшійся въ памяти рабочихъ разгромъ народовольцевъ удерживалъ и отъ знакомства съ новыми пропагандистами. Въ это время въ передовыхъ центрахъ Россіи уже совершился или совершался переходъ отъ пропаганды къ агитаціи, отъ воздѣйствія на отдѣльныхъ лицъ изъ рабочей среды къ широкому воздѣйствію на всю рабочую массу (Къ этому времени относится недавно изданная брошюра: „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія“). Этотъ переходъ теоретически своевременно пережила и харьк. соц.-демократическая молодежь, но объ агитаціи хотя бы даже на элементарно экономической почвѣ здѣсь нечего было и думать. Харьковъ представлялъ въ то время городъ преимущественно мелкой буржуазіи, проникнутой вѣрноподанничествомъ, полной мелко-буржуазныхъ предразсудковъ, религіозныхъ и соціальныхъ, съ идеаломъ мѣщанской обстановки съ собственнымъ домикомъ гдѣ-ниб. на окраинѣ. И дѣйствительно, кромѣ мелкаго ремесла съ его непосильнымъ трудомъ и безшабашнымъ разгуломъ, здѣсь существовали однѣ жел.-дор. мастерскія да рядъ небольшихъ заводовъ (Пильстремъ, Трепке, Саде), въ которыхъ и теперь еще замѣтны слѣды патріархальныхъ отношеній. Первыми членами соц.-демократическихъ рабочихъ кружковъ явились уцѣлѣвщіе остатки рабочихъ-народовольцевъ. Уже тотъ фактъ, что они уцѣлѣли отъ всеобщаго разгрома, говоритъ за то, что то были наименѣе энергичные члены группы. А главное, они были совершенно неприспособлены къ новой соц.-демокр. тактикѣ и неспособны воспринять ее. Люди съ значительнымъ развитіемъ, стоявшіе цѣлой головой выше окружающей ихъ массы, воспитанные на культѣ личности, они смотрѣли съ презрѣніемъ на безсознательную рабочую массу и считали ее неспособной на какое-либо активное дѣйствіе. О взглядѣ ихъ на дѣятельность можно судить напр. по заявленію одного изъ нихъ, что если онъ за свою жизнь спропагандируетъ хотя одого рабочаго, то и это будетъ дѣло. Скоро выяснилась ихъ полная непригодность для соц.-дем. дѣла. Ихъ мѣсто заступила привлеченная ими же крайне немногочисленная молодежь. Послѣдняя отчасти находилась подъ вліяніемъ стариковъ и туго поддавалась новымъ взглядамъ. Не отрицая цѣлесообразности агитаціи въ теоріи, она находила, что *пока* агитаціи нѣтъ мѣста въ Харьковѣ. Желѣзнодорожный рабочій того времени, напр., по отзывамъ сознательныхъ рабочихъ, былъ своего рода мелкій чиновникъ съ нестѣснительными условіями труда, довольный своимъ положеніемъ. И это совпадаетъ со всѣмъ, что намъ извѣстно о харьковскомъ ра-

бочемъ того времени. Лучшіе изъ рабочихъ были „либералы", т. е. не прочь были почитать легальную книжку или поучиться въ воскресной школѣ, но чуждались всякой революціонной дѣятельности. Въ виду этого успѣхи соц.-дем. пропаганды за 1896-1897 гг. были незначительны; только среди ремесленниковъ и типографскихъ рабочихъ пропаганда дѣлала болѣе значительные успѣхи. О рабочихъ-соціалистахъ въ массѣ циркулировали самые дикіе слухи. Такъ напр., о нѣсколькихъ рабочихъ, ходившихъ часто на прогулку мимо вѣтряной мельницы, среди обывателей Журавлевки (рабочее предмѣстье) говорили, что они держатся какой-то вѣры (не то штуды, не то иной, новой), суть которой въ чтеніи книжекъ и въ поклоненіи мельницамъ! Въ настоящее время, всего лишь черезъ 3-4 года послѣ описываемаго періода, это можетъ показаться прямо-таки невѣроятнымъ, но мы смѣемъ завѣрить читателей въ подлинности приводимыхъ нами фактовъ.

И рабочее движеніе въ Харьковѣ осуждено было бы, по всей вѣроятности, на довольно жалкое существованіе, если бы около этого времени вмѣстѣ съ общимъ промышленнымъ оживленіемъ Юга не измѣнилась значительно и физіономія Харькова: изъ преимущественно торговаго центра Юга онъ превратился отчасти въ городъ крупной, преимущественно механической (машиностроительной) промышленности. За послѣдніе годы, начиная съ 1897 года, здѣсь выстроены: бельгійскій заводъ (мельничностроительный) — около 680 рабочихъ, паровозостроительный русскаго об-ва —около 4000 раб.; расширены: заводы Бельке и Комп.—около 500 рабочихъ, керамическій заводъ Бергенгейма — свыше 500 раб.; наконецъ, въ настоящее время въ Новой Баваріи, въ 7 верст. отъ Харькова, отстроенъ громадный заводъ Южно-русскаго т-ва пеньковой и канатной промышленности — около 4000 рабочихъ, преимущественно женщинъ. Въ общемъ въ настоящее время здѣсь имѣется не меньше 15.000 однихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ.

Съ водвореніемъ крупной промышленности физіономія рабочаго населенія совершенно измѣнилась, и въ связи съ этимъ соц.-демократія получила прочную почву подъ ногами. Съ появленіемъ этого новаго, въ значительной степени пришлаго заводскаго населенія и въ Харьковѣ появился подвижной и безпокойный духъ пролетаріата. Среди него попадались и петербургскіе, и московскіе, и иваново-вознесенскіе рабочіе, находившіеся уже раньше подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ соц.-демократической пропаганды. Впрочемъ, организаторовъ рабочаго движенія среди пришлыхъ рабочихъ почти не нашлось, но за то они—наряду съ общимъ измѣненіемъ условій труда — несомнѣнно способствовали разсѣянію застоявшейся атмосферы покорности, господствовавшей здѣсь раньше, и созданію атмосферы протеста. Съ другой стороны, необходимо однако замѣтить, что масса пришлаго заводскаго населенія состоитъ изъ „сѣряковъ", какъ ихъ зовутъ

сознательные рабочіе,—брянскихъ, бѣжецкихъ рабочихъ и пр., людей съ очень низкими потребностями и низкимъ умственнымъ уровнемъ, стоящихъ значительно ниже въ культурномъ отношеніи коренныхъ городскихъ рабочихъ. Первые значительно отстали отъ послѣднихъ и въ развитіи классового самосознанія и являются здѣсь самымъ реакціоннымъ элементомъ. Характернымъ образчикомъ ихъ можетъ служить сборный цехъ паровозостроительнаго завода съ своимъ мастеромъ Гороховымъ во главѣ.

Возникновеніе новыхъ заводовъ скоро ознаменовалось волненіями и даже забастовками. Почвой для нихъ служило слѣдующее обстоятельство: при возникновеніи новыхъ заводовъ рабочихъ приходилось привлекать со стороны, и, естественно, разцѣнки были высокія. Эти высокія разцѣнки держались однако недолго; съ дальнѣйшимъ притокомъ рабочихъ и съ пріобрѣтеннымъ ими навыкомъ администрація заводовъ стала значительно сбавлять разцѣнки. Преимущественно на этой почвѣ и происходили волненія: рабочіе не хотѣли соглашаться на сбавку разцѣнокъ и слѣдовательно, на удлиненіе рабочаго дня. Волненія были во многихъ цехахъ паровозостроительнаго завода, а два цеха (литейный и кузнечный) прибѣгли и къ забастовкѣ. Но до настоящей стачки здѣсь дѣло не доходило, и недоразумѣнія улаживались путемъ вмѣшательства фабричной инспекціи и нѣкоторыхъ уступокъ со стороны капиталистовъ. Болѣе рѣзкій характеръ приняли волненія на Бельгійскомъ заводѣ, вылившіяся въ открытую общую стачку, продолжавшуюся дня три. Листковъ не было, если не считать нѣкоторыхъ рукописныхъ воззваній. Рукописныя же воззванія ходили около этого времени и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ по поводу чисто мѣстныхъ нуждъ рабочихъ (обычная въ подобныхъ случаяхъ негодная для питья вода и пр.); эти воззванія встрѣтили сочувствіе среди рабочихъ. Съ измѣненіемъ промышленной физіономіи Харькова, а также физіономіи его рабочаго населенія, и пропаганда на заводахъ начала дѣлать болѣе значительные успѣхи, а особенно стала получать ходъ нелегальная литература. Но отъ открытой агитаціи путемъ массового распространенія листковъ и брошюръ соціальдемократическая организація все еще воздерживалась, считая себя для этого недостаточно окрѣпшей.

Въ 1897—98 гг. мы можемъ указать на болѣе явные признаки сознательной, организованной борьбы. Къ этому времени среди рабочихъ имѣлся уже рядъ кружковъ, какъ среди заводскихъ рабочихъ, такъ въ особенности среди ремесленниковъ и типографскихъ рабочихъ (послѣднихъ здѣсь около 1000 челов.). Введеніе новаго закона объ $11^1/_2$ час. рабоч. днѣ дало поводъ къ выпуску (февраль 1898 г.) гектографированнаго листка, распространеннаго въ районѣ заводовъ и мастерскихъ и отчасти внутри заведеній. Въ этомъ листкѣ „Ко всѣмъ харьковскимъ рабочимъ" выяснялись

истинныя причины изданія закона правительствомъ, его характеръ и значеніе для рабочихъ; въ заключеніе рабочіе приглашались къ дружной борьбѣ со своими угнетателями, къ самодѣятельности. Листокъ этотъ встрѣтилъ значительное сочувствіе среди рабочихъ, а въ казенномъ виноочистительномъ складѣ вызвалъ непосредственное броженіе съ предъявленіемъ требованій, часть которыхъ и была удовлетворена нѣсколько позднѣе, при вновь возникшемъ здѣсь броженіи. Май 1898 года, если не ошибаемся, впервые праздновался харьковскими рабочими, по крайней мѣрѣ, заслуживающимъ упоминанія образомъ — въ формѣ нѣсколькихъ загородныхъ собраній по нѣсколько десятковъ человѣкъ въ каждомъ; но майскихъ листковъ не появлялось. Вскорѣ послѣ этого, въ іюнѣ 1898 года, произошелъ провалъ, основательно задѣвшій ремесленные кружки и почти не коснувшійся заводскихъ рабочихъ. Было произведено около 50-ти обысковъ среди рабочихъ и интеллигенціи и взято свыше 20 ч. Сообщаемъ здѣсь фамиліи взятыхъ, какія сохранились въ памяти (въ скобкахъ приговоры): типографскіе рабочіе Батуринъ (2 года надзора и запрещеніе заниматься ремесломъ), Өедоровъ, Романенко (тоже), Куриловъ старшій (оговаривалъ), Борисъ Линцеръ (3 мѣс. тюрьмы и 2 года надзора), 1 работница конвертной фабрики и 1 чулочница (потомъ наборщица) (тоже), рабочій электрической станціи Курилко, нѣсколько переплетчиковъ и портныхъ, интеллигенты: Л. Вл. Николаевъ, окончивш. университ. (3 г. ссылки въ Вятск. губ., г. Глазовъ), Абр. Ил. Штессель, студ. (6 мѣс. креста и 2 г. надзора), Вас. Як. Павловъ, студ., Евд. Сем. Сысоева (2 г. надзора), П. И. Өоминъ, статистикъ (1 годъ надзора). Еще раньше былъ взятъ рабочій Коссовскій (токарь по дереву), просидѣвшій $1^1/_2$ года въ предварительномъ заключеніи по обвиненію въ томъ, будто онъ являлся представителемъ Кіева въ Харьковѣ (при немъ найденъ станокъ для мимеографа).

Какъ мы сказали, этотъ провалъ почти не коснулся заводскихъ рабочихъ, и 1898—99 годъ ознаменовался дальнѣйшими, хотя и небыстрыми успѣхами рабочаго движенія. Эти успѣхи и значительное расширеніе связей на заводахъ дали возможность выступить болѣе открыто, и 1 мая 1899 г. на всѣхъ крупныхъ фабрикахъ и заводахъ, а также по многимъ ремесленнымъ мастерскимъ была распространена (за подписью Харьк. Комит. Россійск. Соц.-Дем. Раб. Партіи) майская прокламація „Рабочей Газеты" въ количествѣ 1000 печатныхъ и 700-800 гектографированныхъ экземпляровъ. Успѣхъ ея былъ большой, на многихъ заводахъ рабочіе поговаривали о томъ, чтобы бросить работу, собирались кучками и сговаривались, пробовали даже останавливать желавшихъ работать, но никто не взялъ на себя рѣшительной иниціативы и попытка не удалась. Май 1899 г. также ознаменовался загородными собраніями, въ которыхъ приняли участіе до 150 чел.; на

нихъ произносились рѣчи, разъяснявшія значеніе дня 1-го мая, выяснялись различные вопросы рабочаго движенія, здѣсь же происходили пренія по тактическимъ вопросамъ, о кассахъ, библіотекахъ, кружковой пропагандѣ и агитаціи и пр. При пѣніи революціонныхъ пѣсенъ эти собранія прошли оживленно и оставили хорошее впечатлѣніе у присутствовавшихъ.

Къ сожалѣнію, листокъ 1899 г. заключалъ въ себѣ слишкомъ мало объяснительнаго текста и потому остался мало понятнымъ низшимъ слоямъ рабочей массы. За то очень понравились майскія картины „Раб. Дѣла", вывѣшенныя кое-гдѣ уже позднѣе*). Майскіе листки дали возможность сознательнымъ рабочимъ выступить передъ сильно заинтересованной рабочей массой съ устной агитаціей, и слѣдствіемъ ея явилось движеніе на нѣкоторыхъ заводахъ, направленное къ сокращенію рабочаго дня. Вообще заводы (механическіе) работаютъ здѣсь по $10^1/_2$ час. въ день (жел.-д. мастерскія 10 час.), но на нѣкоторыхъ болѣе отсталыхъ небольшихъ заводахъ сохранился 11 и $11^1/_2$ час. раб. день. На послѣднихъ рабочіе стали добиваться $10^1/_2$ часов. рабоч. дня. Движеніе имѣло успѣхъ и послѣ нѣсколькихъ дней волненій и переговоровъ $10^1/_2$ часов. рабоч. день былъ установленъ и у Пильстрема, Трепке и Бельке (не надо забывать, что здѣсь сильно распространена сверхурочная работа). Такъ каждый шагъ въ развитіи сознанія рабочихъ сопровождается и непосредственнымъ улучшеніемъ ихъ положенія.

Майская агитація и въ особенности майскіе листки, распространенные въ значительномъ количествѣ почти по всѣмъ промышленнымъ заведеніямъ, сильно обезпокоили администрацію. Мѣстность, прилегающая къ заводамъ, была тотчасъ же занята войсками и наводнена сыщиками, но столкновенія не произошло, если не считать жестокаго избіенія рабочими нѣсколькихъ сыщиковъ. За то въ началѣ мая жандармерія произвела погромъ и забрала свыше 20 рабочихъ, преимущественно съ паровозостроительнаго завода; обыски были и у многихъ рабочихъ другихъ заведеній. Однако всѣ старанія жандармеріи не привели ни къ чему; дознаніе не дало никакихъ результатовъ, рабочіе отказывались называть распространителей прокламацій, и жандармеріи пришлось черезъ 2-3 недѣли выпустить всѣхъ забранныхъ. Потерпѣвъ неудачу на этой почвѣ, правительственныя власти въ союзѣ съ заводской администраціей стали постепенно увольнять наиболѣе сознательныхъ рабочихъ, руководствуясь указаніями

*) Тѣ же картины, а также прошлогодніе петербургскіе листки съ рисунками, распространенные передъ маемъ 1900 года, имѣли большой успѣхъ. Того же нельзя сказать о картинѣ: „Марсельеза". Она неудачна и непонятна рабочимъ. (Къ этой картинѣ Густава Дорэ напечатано, однако, подробное разъясненіе въ майскомъ номерѣ „Раб. Дѣла", *Ред.).*

мастеровъ-прихлебателей и сыщиковъ, каковыхъ на заводахъ множество. Такимъ образомъ на паровозостр. и бельгійскомъ заводахъ были уволены многіе развитые рабочіе, хотя противъ нихъ не имѣлось никакихъ уликъ, да врядъ-ли они и принимали участіе въ распространеніи листковъ.

Мы не можемъ, далѣе, умолчать о томъ вліяніи, какое оказали на рабочихъ происходившіе въ этомъ году обширные студенческіе безпорядки. Рабочая масса довольно вѣрно понимала смыслъ и значеніе студенческаго движенія, какъ борьбу за свободу, борьбу противъ административнаго и полицейскаго произвола. Демонстраціи студентовъ, взбудоражившія весь городъ и вызвавшія общее сочувствіе харьковскаго населенія, нашли особенно живой откликъ въ рабочей средѣ. Аресты сотенъ демонстрантовъ и препровожденіе ихъ подъ конвоемъ въ тюрьмы, проводы высылаемыхъ студентовъ, дышавшія бодростью и призывомъ къ борьбѣ рѣчи, произносимыя студентами на вокзалѣ,—захватывали рабочихъ, и среди 2-3-хъ тысячной толпы, нерѣдко собиравшейся на вокзалѣ для проводовъ высылаемыхъ, всегда были многія сотни рабочихъ, открыто выражавшихъ свое сочувствіе студентамъ. У одного изъ забранныхъ въ маѣ рабочаго былъ даже найденъ дневникъ, полный восторговъ и восхищенія передъ студенческимъ движеніемъ; другой излилъ свои чувства въ стихахъ собственнаго сочиненія. Вечеромъ, въ день 1 мая, по разсказамъ очевидцевъ, полуторатысячная толпа рабочихъ, заводскихъ и ремесленныхъ, окружила зданіе Ващенковскихъ казармъ, гдѣ содержались арестованные студенты, и кричала имъ „ура“. Среди рабочихъ поговаривали о необходимости освободить арестованныхъ, необходимости поддержать съ своей стороны движеніе, поднятое студентами. Около казармъ толпа держала себя очень вызывающе, и въ результатѣ явилось столкновеніе съ полиціей и казаками, не принявшее однако серьезнаго характера. Недаромъ, говорятъ, губернаторъ ѣздилъ въ Петербургъ съ докладомъ, что онъ не ручается за спокойствіе края, если арестованные студенты не будутъ освобождены.

Впечатлѣніе, оставшееся отъ студенческаго движенія, и майская агитація вызвали усиленный интересъ въ рабочей массѣ къ нелегальной литературѣ, хотя въ то же время аресты и увольненія рабочихъ произвели и нѣкоторое устрашающее дѣйствіе. Литература (нелегальная) начинаетъ съ этого времени довольно широко и свободно циркулировать въ рабочей средѣ; въ то же время начинаютъ пріобрѣтать болѣе прочный характеръ и попытки мѣстныхъ, заводскихъ, чисто рабочихъ организацій въ формѣ небольшихъ кассъ съ нѣсколькими десятками членовъ, библіотечекъ, рабочихъ комитетовъ и пр. Къ этому времени настроеніе рабочихъ, прежде консервативное или блѣдно-либеральное, уже успѣло радикально измѣниться, и въ желѣзнодорожныхъ мастер-

скихъ эта перемѣна настроенія сказывается особенно ярко. Весь немалочисленный слой прежде „либеральныхъ“ рабочихъ, то есть молодежь, подвергшаяся вліянію культурныхъ учрежденій (воскресной и технической школъ, библіотекъ и пр.), мало по малу цѣликомъ переходитъ въ радикальный лагерь, проникается классовымъ сознаніемъ, съ увлеченіемъ поглощаетъ нелегальную литературу.

За лѣто и осень 1899 года мы можемъ указать на слѣдующія проявленія рабочаго движенія въ Харьковѣ: лѣтомъ были распространены гектографированныя прокламаціи на бельгійскомъ заводѣ; поводомъ къ ихъ появленію послужило стремленіе администраціи подъ видомъ уравненія разцѣнокъ значительно ихъ понизить. Въ листкахъ были выставлены требованія, почти цѣликомъ повторенныя рабочими Бельг. завода во время майской забастовки 1900 г. (уничтоженіе штрафовъ, сокращеніе рабочаго дня съ 11 до $10^1/_2$ часовъ, улучшеніе помѣщенія столовой, лучшее обращеніе съ рабочими, прибавка 10 минутъ утромъ и послѣ обѣда для запоздавшихъ и 5 минутъ передъ обѣдомъ и окончаніемъ работъ для умыванія рукъ), и рабочіе призывались къ забастовкѣ для того, чтобы добиться выполненія этихъ требованій. Прокламаціи произвели впечатлѣніе, по обыкновенію стали поговаривать о забастовкѣ, но никто не взялъ на себя почина и дѣло окончилось одними разговорами. Впрочемъ, скоро послѣ того на заводѣ произошелъ незначительный инцидентъ, которымъ воспользовались сознательные рабочіе, вызвали фабричнаго инспектора и добились выполненія нѣкоторыхъ изъ выставленныхъ въ листкѣ требованій (главнымъ образомъ, прекращенія пониженія разцѣнокъ и сокращенія рабочаго дня на $^1/_2$ часа). Затѣмъ лѣтомъ же на паровозостроительномъ заводѣ, а также отчасти и въ вагонныхъ мастерскихъ жел. д. и у Бергенгейма была распространена путемъ подмета брошюра „Рабочіе Союзы“ въ количествѣ 200 экземпляровъ. Въ концѣ лѣта на паровозостр. заводѣ была распространена прокламація съ конкретными требованіями мѣстнаго характера. Прокламація эта, вопреки ожиданіямъ, встрѣтила очень слабый откликъ въ рабочихъ и не только не вызвала стачки, но даже вообще произвела мало впечатлѣнія. Напротивъ, такого же характера листокъ, выпущенный въ августѣ на картонной фабрикѣ Гофмана и Деуэля (около 125 работниковъ и работницъ) вызвалъ довольно сильное движеніе и забастовку, продолжавшуюся дня два. Перепуганный фабрикантъ готовъ былъ уступить, но этого не допустилъ фабричный инспекторъ. Дѣло кончилось увольненіемъ нѣсколькихъ работницъ и обѣщаніемъ хозяина удовлетворить нѣкоторыя изъ требованій. Были листки и въ типографіи Яковлева.

Осенью же 1899 г. создалась совершенно особая, независимая рабочая организація; она начала свою дѣятельность довольно

успѣшно и завела хорошія связи въ ремесленной средѣ; результатомъ ея дѣятельности явились нѣсколько пропагандистскихъ и агитаціонныхъ кружковъ. Къ сожалѣнію, эта организація вела свое дѣло довольно примитивно въ конспиративномъ отношеніи, набирала своихъ членовъ безъ достаточнаго разбора, вступала въ сношенія съ слишкомъ юной и неустановившейся студенческой молодежью. Результатомъ былъ чуть не полный провалъ организаціи черезъ 2-3 мѣсяца послѣ ея основанія (въ декабрѣ 1899 г.). Особенность этой организаціи — ея отрицательное отношеніе къ интеллигенціи, отведеніе ей чисто-служебной роли („ваше дѣло —доставлять литературу и деньги, дѣло мы сами будемъ дѣлать", говорили интеллигенціи главари-рабочіе этой организаціи). Понятно, что при такомъ нежеланіи видѣть въ интеллигентахъ равноправныхъ товарищей въ борьбѣ, цѣнныхъ для дѣла своими знаніями и революціонной выучкой, организація эта и могла привлечь только молодежь вышеописаннаго свойства. Кстати сообщимъ, что и до сихъ поръ среди рабочихъ здѣсь имѣются представители подобнаго воззрѣнія на интеллигенцію, осложняющагося и нѣкоторыми другими чертами, въ частности культомъ „чисто-рабочаго движенія". По мнѣнію сторонниковъ этого направленія, необходимо строго отличать рабочее движеніе отъ революціоннаго; послѣднее не имѣетъ будто бы ничего общаго съ первымъ и есть дѣло одной интеллигенціи. При всемъ томъ они не относятся отрицательно къ политической борьбѣ, но переносятъ центръ тяжести изъ области агитаціоннаго воздѣйствія на массу въ область личнаго воздѣйствія, ограничивающагося предѣлами сравнительно узкихъ круговъ.

Возвращаемся къ нашему изложенію. Въ декабрѣ были взяты: рабочіе и работницы—Голубъ, Финкельштейнъ, Маховъ, Іоффе, Рабиновичъ, Генкенъ, Левинъ, Школьникова, Обрашева, Левандовская, Ельчевскій, Крамаревъ, Крицынъ, Шехтманъ; студенты: Серебряковъ, Оладовъ и Бѣловъ (выдавалъ); интеллигенты: Трутовская, сестры Прянишниковы, сестры Раппъ (учительницы воскр. школы). Къ маю всѣ они были выпущены и рабочіе всѣ высланы на родину. Содержались очень скверно; жалуются на инквизиторскіе пріемы при допросахъ новаго здѣсь жандармскаго офицера Нордберга.

Слѣдствіемъ пропаганды среди ремесленниковъ было нѣсколько стачекъ. Была общая забастовка заготовщиковъ (50 чел.), вторая въ Харьковѣ, на этотъ разъ удачная (первая, кончившаяся неудачей, имѣла мѣсто въ 1897 г.); были забастовки у двухъ или трехъ портныхъ, имѣвшія частичный успѣхъ.

Зима прошла спокойно; не было никакихъ проявленій массового протеста, никакого запроса на агитаціонные листки съ мѣстными или профессіональными требованіями. За то получала все большее распространеніе нелегальная литература, въ значительномъ количествѣ расходившаяся по рукамъ. Въ то же время расширялись связи на заводахъ и упрочивались мѣстныя заводскія организаціи. Оживленіе стало замѣтно лишь къ концу марта, когда начались приготовленія къ майскому празднику. Мы не станемъ описывать здѣсь событій, связанныхъ съ празднествомъ 1-го мая 1900 г. Это сдѣлано въ другомъ мѣстѣ. Мы очертимъ только ихъ общій характеръ, поскольку это нужно для характеристики современнаго состоянія рабочаго движенія въ Харьковѣ.

Майское движеніе въ Харьковѣ распадается, такъ сказать, на два момента:

1) Самое празднованіе 1-го мая—всеобщая забастовка механическихъ рабочихъ и частичная забастовка ремесленниковъ, типографскихъ рабочихъ, портныхъ, булочниковъ, кондитерскихъ рабочихъ, заготовщиковъ, столяровъ, мебельщиковъ и пр., демонстративное шествіе съ красными знаменами за Конной площадью 2.000 заводскихъ рабочихъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, собраніе 3.000 рабочихъ района ж. дор. мастерскихъ на Ващенковской левадѣ, арестъ 150 рабочихъ 1 мая и событія у тюрьмы; событія 2 мая: требованіе жел.-дор. рабочими освобожденія всѣхъ арестованныхъ, поддержка этого требованія другими рабочими путемъ продолженія забастовки, побѣда рабочихъ надъ администраціей и освобожденіе всѣхъ арестованныхъ; арестъ 51 рабоч. въ ночь на 17 и 24 мая, забастовка жел.-дор. рабочихъ 17 мая съ требованіемъ освобожденія арестованныхъ, неудача этой забастовки.

2) Выставленіе рабочими отдѣльныхъ заводовъ различныхъ конкретныхъ требованій мѣстнаго характера и отчасти общихъ классовыхъ требованій—требованіе 8-часов. раб. дня и учрежденія комиссій съ участіемъ представителей отъ рабочихъ для разсмотрѣнія возникающихъ между рабочими и предпринимателями недоразумѣній, т. е. фактически—требованіе участія рабочихъ въ установленіи внутреннихъ распорядковъ на фабрикахъ и заводахъ и опредѣленіи условій труда.

Хотя на самомъ дѣлѣ эти два момента движенія непосредственно переходятъ одинъ въ другой и не могутъ быть вполнѣ отдѣлены во времени, однако мы воспользуемся этимъ дѣленіемъ для анализа событій. Первый моментъ движенія отличается ярко выраженнымъ политическимъ характеромъ. Празднованіе 1-го мая носило характеръ не борьбы за какія-либо опредѣленныя требованія отдѣльныхъ слоевъ рабочихъ, а прежде всего всеобщей демонстраціи рабочаго класса противъ экономическаго и политическаго гнета, подъ которымъ живетъ рабочая масса, противъ ея экономическаго угнетенія и политическаго безправія, и въ то же время демонстраціи за 8-часовой рабочій день и политическія права. Не менѣе ясно, что и предъявленное рабочими требованіе освобожденія арестованныхъ войсками 1 мая и жандармеріей въ

ночь на 17 мая, поддержанное забастовками 2 и 17 мая, носитъ характеръ политической борьбы, борьбы за политическую свободу, если не въ общемъ ея видѣ, то въ формѣ одного изъ существенныхъ ея элементовъ—неприкосновенности личности отъ административно-полицейскаго произвола.

Нѣсколько другой характеръ носитъ второй моментъ. Здѣсь на первый планъ выдвигаются требованія отдѣльныхъ слоевъ рабочихъ, рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ, и борьба за нихъ. Этотъ моментъ непосредственно не связанъ съ первымъ и совершенно не имѣлся въ виду при организаціи празднества. Онъ вылился стихійно на почвѣ общаго возбужденія рабочей массы, поспѣшившей выставить въ яркомъ свѣтѣ всѣ обиды и всѣ нужды, накопившіяся у нея годами, и добивавшейся немедленнаго выполненія этихъ требованій. Моментъ для этого былъ выбранъ крайне неудачно, ибо понятно, что выставленіе даже узко-экономическихъ требованій въ такой моментъ и немедленная забастовка съ цѣлью добиться ихъ удовлетворенія должны были вызвать къ дѣйствію весь механизмъ административно-полицейскаго произвола съ цѣлью подавленія движенія, подавленія во что бы то ни стало; а русскіе рабочіе вѣдь еще слишкомъ слабы, чтобы справиться съ этимъ механизмомъ, разъ онъ рѣшилъ дѣйствовать безпощадно. Этотъ моментъ обнимаетъ движеніе въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ отъ 2 до 16 мая, на паровозостроительномъ заводѣ отъ 2 до 5 мая, стачку рабочихъ бельгійскаго завода съ 2 по 8 мая, забастовку рабочихъ завода братьевъ Игнатовыхъ съ 2 по 5 мая, забастовку на заводѣ Гельферихъ-Саде 3 и 4 мая. Результатомъ его былъ полный неуспѣхъ рабочихъ паровозостроительнаго завода и братьевъ Игнатовыхъ, пораженіе рабочихъ бельгійскаго завода*), частичный успѣхъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и полная побѣда рабочихъ у Гельферихъ-Саде. Движеніе носило неорганизованный характеръ и не было поддержано и соц.-демократической организаціей; нѣкоторую стойкость въ борьбѣ проявили только рабочіе Бельгійскаго завода и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Какъ видитъ читатель, масса воспользовалась моментомъ для выставленія своихъ назрѣвшихъ экономическихъ требованій. Но и въ этотъ моментъ масса выдвинула два требованія общеклассо-

*) На 4-ый день стачки всѣ рабочіе Бельгійскаго завода были разсчитаны, и паспорты иногороднихъ отосланы на родину; администрація заставляла рабочихъ ѣхать вслѣдъ за паспортами. Высылкѣ подверглись нѣсколько десятковъ человѣкъ съ Бельгійскаго и паровозостроительнаго заводовъ, въ томъ числѣ предсѣдатель „Общества Взаимопомощи Занимающихся Ремесленнымъ Трудомъ“, Рудякъ, работавшій на Бельгійскомъ заводѣ. Въ общемъ во время майскаго движенія пострадало не менѣе ста рабочихъ.

вого характера, несомнѣнно выходящія за предѣлы узко-профессіональной борьбы: 8-ми часов. рабочій день и комиссіи для улаживанія недоразумѣній.

Обрисовавъ главные моменты майскаго движенія, посмотримъ, какъ оно подготовлялось. Мы сказали, что зима 1899—900 г. прошла спокойно. Но это спокойствіе было только кажущееся. Подъ покровомъ тишины шла дѣятельная работа привлеченія и организаціи сознательныхъ элементовъ. Сгруппировавшееся здѣсь сознательное ядро рабочихъ постепенно распространяло свою сѣть по всему Харькову и въ концѣ концовъ оказалось связаннымъ множествомъ нитей почти со всѣми крупными и средними промышленными заведеніями города. Это была работа годовъ, и теперь она дала свои результаты. Какъ видно изъ предыдущаго изложенія, въ дѣлѣ созданія этого результата профессіональная борьба, борьба за непосредственное улучшеніе положенія рабочихъ на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ играла не самую крупную роль. Эта борьба, конечно, не отсутствовала и здѣсь, но по нѣкоторымъ условіямъ она не принимала здѣсь особенно остраго характера. Сравнительно болѣе благопріятныя условія труда, въ какія поставлены рабочіе крупныхъ механическихъ заведеній, значительная дифференціація рабочихъ на нихъ затрудняли экономическую борьбу, и она во все время почти ни разу не переходила за предѣлы мирно улаживаемыхъ столкновеній. За то, съ другой стороны, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ рабочимъ населеніемъ, отличающимся сравнительно высокимъ культурнымъ уровнемъ. Это, какъ уже выше сказано, особенно относится къ кореннымъ городскимъ рабочимъ. Выраженіемъ этой культурности можетъ служить широкое распространеніе среди нихъ чтенія книгъ, газетъ и журналовъ, посѣщеніе воскресныхъ школъ, публичныхъ лекцій и проч. Приведемъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что значительная часть рабочихъ читаетъ по крайней мѣрѣ мѣстныя газеты, что публичныя лекціи, устраиваемыя мѣстными профессорами спеціально для рабочихъ, всегда переполнены, что по состоявшейся въ одной мастерской подпискѣ рабочими выписано до 200 экземпляровъ сочиненій Шевченко, что тамъ же выписывается рабочими до 14 экземпляровъ двухъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Рабочій, являющійся на групповыя занятія съ номеромъ журнала въ одномъ карманѣ и столичной газетой въ другомъ, сдѣлался типичнымъ для высшаго, болѣе развитаго слоя здѣшнихъ рабочихъ. На такой-то почвѣ, разъ начало пробуждаться въ массѣ классовое самосознаніе, развитіе его должно было пойти ускореннымъ темпомъ, получая себѣ питаніе въ широко распространенномъ въ этой средѣ чтеніи нелегальныхъ книгъ, и притомъ не только чисто агитаціоннаго, но и пропагандистскаго характера. Сознаніе проникаетъ такимъ образомъ во всѣ закоулки рабочей жизни.

Совокупностью этихъ обстоятельствъ и объясняется то, что

мѣстное рабочее движенiе вышло какъ будто бы готовымъ изъ головы Юпитера и сразу удивило всю Россiю своимъ развитымъ классовымъ сознанiемъ. Политическое сознанiе, вполнѣ ясное у высшаго, въ то же время отнюдь не малочисленнаго слоя здѣшнихъ рабочихъ, проникаетъ и въ низшiе, менѣе развитые его слои, и такiя событiя, какъ празднованiе 1-го мая въ этомъ году, способны пробудить его у тѣхъ, у кого оно до тѣхъ поръ дремало, сдѣлать его болѣе яснымъ у тѣхъ, у кого были только смутные зачатки его. Какъ бы то ни было, 8-ми часовой рабочiй день и комиссiи для переговоровъ съ хозяевами—эти два обще-классовыя требованiя, несомнѣнно выходящiя за предѣлы узко-профессiональной борьбы, характерны для майскаго движенiя этого года въ Харьковѣ.

Неясность политическаго сознанiя у массы мѣшала сознательнымъ элементамъ выставить отъ ея имени чисто-политическiя требованiя. Намъ извѣстно, напримѣръ, что требованiе свободы сходокъ, которое сначала было включено въ требованiя желѣзнодорожныхъ рабочихъ, именно изъ вышеуказанныхъ соображенiй было исключено изъ листка по предложенiю одного вполнѣ сознательнаго рабочаго (замѣтимъ, что это сдѣлано имъ совершенно напрасно, такъ какъ выставленiе подобнаго требованiя могло все-таки сыграть крупную агитацiонную роль). О наличности же хотя бы и неяснаго политическаго сознанiя у массы свидѣтельствуетъ и живой интересъ, возбужденный въ ней политическими требованiями, выставленными въ майскихъ листкахъ, ихъ разспросы у сознательныхъ товарищей, что такое—представительное правленiе и пр. Къ той же категорiи фактовъ относится и полукомическiй въ данномъ случаѣ отвѣтъ одного изъ рабочихъ паровозостроительнаго завода фабричному инспектору на его вопросъ къ толпѣ, что имъ собственно нужно,—что рабочимъ нужна конституцiя. Грубое вмѣшательство администрацiи и войска, сабли и нагайки, произвольные аресты и высылка не должны были оставить въ массѣ и тѣни сомнѣнiя въ томъ, на чьей сторонѣ правительство въ борьбѣ капитала съ трудомъ. Въ то же время политически невоспитанные слои рабочихъ съ удивленiемъ впервые узнавали, что они лишены права собранiй, сходокъ и пр.

Въ майскомъ движенiи рабочая масса впервые столкнулась лицомъ къ лицу съ самодержавнымъ строемъ, не признающимъ за массой никакого права на самодѣятельность, на борьбу за свое освобожденiе. Здѣсь впервые рабочая масса почувствовала всю тяжесть давящаго ее политическаго гнета, здѣсь она впервые почувствовала, что свобода сходокъ, собранiй, свобода стачекъ, словомъ, политическiя права необходимы ей, „какъ чистый воздухъ нуженъ для здороваго дыханiя“ (слова „Манифеста Россiйской Соцiальдемократической Рабочей Партiи“). Политическiя права становятся для нея чѣмъ-то насущно необходимымъ, необходимымъ

для ея повседневной жизни, для ея повседневной борьбы за свое существованiе, за свое будущее. Они, эти права, перестаютъ быть для нея чѣмъ-то совершенно чуждымъ, непонятнымъ или въ лучшемъ случаѣ чѣмъ-то отвлеченно хорошимъ, о чемъ нѣкоторая часть ея могла узнать изъ легальныхъ газетъ и журналовъ или изъ нелегальной брошюры. Рабочая масса въ майскiе дни лицомъ къ лицу столкнулась съ правительствомъ, и она не замедлитъ узнать въ немъ своего смертельнаго врага.

Конечно, не мало предстоитъ еще работы сознательнымъ элементамъ среди массы, прежде чѣмъ смыслъ и конечныя цѣли борьбы станутъ ей вполнѣ ясны; конечно, въ настоящее время мы можемъ говорить лишь о первомъ пробужденiи политическаго сознанiя *въ массѣ*, по этому самому не прiобрѣвшаго еще достаточной ясности. Но работа, которая предстоитъ соцiальдемократамъ, стоитъ тѣхъ трудовъ и жертвъ, которыхъ она потребуетъ, и обѣщаетъ богатые результаты. Таково значенiе празднованiя 1-го мая въ Харьковѣ въ 1900 году, и таковы результаты, которыхъ мы ждемъ отъ этого празднованiя.

Списокъ арестованныхъ по майскому дѣлу въ ночь на 17-ое мая вмѣстѣ съ дополнительными арестами:

1) Желѣзнодорожные рабочiе: Зассъ, Гончаровъ, Павловъ, Лелюкъ I, Лелюкъ II, Зоткинъ, Новохотскiй, Погребецкiй, Молчановъ, Звѣревъ, Барановскiй, Бибикъ, Бутовскiй, Ключинскiй, Кнышевскiй, Воейковъ, Черный, Коломейцевъ, Бурдюковъ, Малаховъ, Буръ, Матросовъ, Грѣчка, Соколовъ, Александровъ, Автомоновъ, Бабешко, Бѣлановъ, Ефремовъ, Москвинъ, Мамонтовъ, Володько, Китаенко, Никитинъ, Пѣринскiй, Павловъ, Устиновъ, Степаненко, Чеботаревъ, Стадникъ, Шепотовъ (послѣднiе 17 выпущены въ юнѣ; остальные сидятъ).

2) Паровозостроительнаго и друг. заводовъ: Стрѣльцовъ (арестованъ по подозрѣнiю въ распространенiи листковъ и брошюръ, выпущенъ и высланъ на родину), Бурдынскiй, Труповъ, Годынскiй, Купрiяновъ, Лазько, Лазурниковъ, Винниковъ, Середа, Коровченко, Лесинъ.

ВЫШЛИ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

Цѣна 20 сант.

ЖЕНЕВА.

Типографія „Союза“: Genève, route de la Cluse, № 7.

Сентябрь 1900.